

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

ВОССТАНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА

Политические расследования

Борис Кагарлицкий

Восстание среднего класса

«Алисторус»

2012

Кагарлицкий Б. Ю.

Восстание среднего класса / Б. Ю. Кагарлицкий — «Алисторус», 2012 — (Политические расследования)

Автор данной книги Борис Юльевич Кагарлицкий – социолог и публицист, директор Института глобализации и социальных движений – известен российским и зарубежным читателям своими произведениями «Политология революции», «Периферийная империя», «Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали» и другими. В книге «Восстание среднего класса» Борис Кагарлицкий отвечает на актуальный вопрос: почему сердцевиной бунта, происходящего в наши дни, являются не голодающие массы, а средний класс. На улицы городов, на митинги и демонстрации выходят теперь достаточно обеспеченные люди, которым, казалось бы, есть что терять. По мнению автора, средний класс, который всегда считался гарантом стабильности общества и опорой демократии – больше таковым не является. Отчего это произошло и к чему ведет, Борис Кагарлицкий рассказывает в своей книге.

© Кагарлицкий Б. Ю., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Предисловие	5
Часть 1 Новый средний класс	7
Порождение эпохи глобализации	7
Лекарство от революции	9
А был ли призрак?	13
Гонки на спуск	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Юльевич Кагарлицкий

Восстание среднего класса

Предисловие

Название книги «Восстание среднего класса» вызывает неизбежные ассоциации не только со знаменитым эссе Ортега-и-Гассета «Восстание масс», но и с блестящей книгой Кристофера Лэша «Восстание элит». Испанский философ первой половины XX века увидел угрозу привычному общественному укладу в новой политической организации, опиравшейся на массовое действие. В этом смысле демократия и тоталитаризм оказались родственными феноменами. И то и другое было несовместимо с властью традиционных элит.

«Восстание масс» на рубеже XIX и XX веков разрушило привычные правила игры, положило конец существовавшим ранее моделям культуры и потребления. Массовое производство, массовая культура и оружие массового уничтожения стали частью повседневности.

В эпоху массового общества менялся и капитализм. Он должен был стать демократическим, каковым он отнюдь не был в начале своей истории. Демократия, несмотря на древнегреческое имя, явление относительно новое. Общество XIX столетия было даже в «независимой Америке» и «свободной Англии» не демократическим, а всего лишь либеральным. Оно допускало рабство, ограничение избирательного права, запрещение профессиональных союзов. В нем было больше свободы, чем демократии. А свобода и прогресс, которыми наслаждались элиты, оборачивались ограничением прав большинства. Это большинство не было допущено и к потреблению. Именно поэтому продукция XIX века требовала совершенно иного качества, чем массовое производство XX столетия.

Следовавшие одна за другой волны индустриальной революции вывели на авансцену истории новые массы, более образованные, организованные и политически радикальные. Капитализм должен был найти компромисс с поднимающимся движением либо погибнуть.

Ответом просвещенной буржуазии были западная демократия и «социальное государство». Однако не надо забывать, что демократия начала работать только после Второй мировой войны. Итальянский фашизм и германский нацизм были попытками правящего класса решить ту же проблему управления массами, только иными, менее гуманными методами. Лишь тогда, когда буржуазия пошла на институциональный компромисс с рабочим движением, западная демократия стабилизировалась. В странах Азии, Африки и Латинской Америки капитализм не мог себе позволить роскоши «социального государства», а потому не могло быть и стабильной демократии.

В странах «демократического капитализма» массы сделали «средним классом». Восстание завершилось не революцией, а компромиссом. Но насколько прочным был этот компромисс? В конце XX века, по мере того как разваливалась коммунистическая система на востоке Европы, правящие классы Запада все более ставили его под сомнение. Начался демонтаж «социального государства», неолиберальная контрреформа. Кристофер Лэш назвал это «восстанием элит».

Новое общество провозглашает неравенство своим принципом, а несправедливость – двигателем прогресса.

Оно отказалось от стыда и отменило сострадание. Но самое главное, оно отсеклось от того, что делало капитализм стабильным на протяжении двух столетий: оно перестало понимать границы рынка.

Будучи движущей силой капитализма, частная инициатива все же сочеталась с традиционными институтами, основанными на некоммерческих принципах. Буржуазия выработала

свои формы солидарности, позволявшие ей коллективными усилиями справляться с разрушительными последствиями собственной деятельности. Университеты и государственная служба, железные дороги и вооруженные силы, аристократические колледжи и художественные академии жили самостоятельной жизнью, обслуживая правящий класс, но не подчиняясь рыночным правилам. XX век завершился безудержным триумфом нового поколения буржуазии, рушащего на своем пути все, что сопротивляется, и живущего под лозунгом «Все на продажу!».

Говорят, что боги, если хотят кого-то погубить, лишают его разума. Точнее было бы сказать, что класс, идущий к гибели, лишается исторической памяти. Оргия буржуазного самодовольства, которую мы наблюдали на рубеже столетий, скорее всего, оказывается предвестием большой катастрофы. Вопрос лишь в том, кто будет главной жертвой: капитализм или все человечество?

Социальный компромисс между капиталом и трудом в XX веке породил средний класс. В конце столетия этот компромисс был нарушен, а значит, будущее среднего класса поставлено под вопрос. Средний класс сопротивляется, защищает свои привилегии. И именно это заставляет его бунтовать. Благополучный обыватель становится бунтарем, конформист открывает в себе революционера. И неожиданно обнаруживает, что бороться и отстаивать свои принципы, как бы тяжело это ни было, гораздо интереснее, чем просто быть потребителем и винтиком в системе.

Ответом на «восстание элит» становится восстание среднего класса.

Круг замкнулся. Для того чтобы умиротворить массы, их превратили в средний класс. Но элиты нарушили социальный компромисс. Война объявлена. И средний класс, нехотя и неожиданно для самого себя, вновь превращается в неуправляемую и бунтующую массу, которая так испугала буржуазных мыслителей в конце позапрошлого века.

Часть 1 Новый средний класс

Порождение эпохи глобализации

Новый средний класс появился на свет в Западной Европе и Америке во второй половине 1980-х годов. Вообще-то понятие «среднего класса» ведет свое происхождение с позднефеодальных времен, когда под «средним классом» понимали буржуазию, занимавшую промежуточное положение между аристократией и «народом». Каждая новая эпоха в истории капитализма вырабатывала собственное представление о «среднем классе». Однако идея «среднего класса», несмотря на всю свою условность, размытость и почти неуловимость, оказалась очень важна для буржуазной системы. В ней выразилось буржуазное представление о благоустройстве, стабильности, добросовестности. «Золотая середина» общественной жизни. Социальная норма. Образ заслуженного благополучия. «Средний класс – основа стабильности общества!» – категорически объявляли учебники по социологии. «Средний класс – опора демократии!» – ввели им книги по политическим наукам.

Большая часть общества стремилась быть «средним классом». Принадлежать к нему – значило быть нормальным, отвечать всем требованиям социальной жизни, ни в чем не уступать другим.

Главным критерием «среднего класса» в середине XX века стало потребление. В этом смысле марксистские представления о классах, в основе которых лежат отношения собственности и заработной платы, не то чтобы оказались отброшены, но отодвинулись на второй план. Потребительское общество дополнило их своими собственными нормами, куда более условными, но от этого ничуть не менее реальными. «Рабочий класс» должен был стремиться стать «средним классом». Место «освобождения труда» заняла «свобода потребления», а «светлое будущее», обещанное революционерами XIX века, вполне можно было обменять на скромное счастье и благополучие сегодня. Тем более что и это благополучие тоже было не «даровано», а честно завоевано в ходе классовых битв.

Средний класс считался социальной нормой, но с течением времени нормы менялись. Именно потому, что понятие «среднего класса» размыто и двусмысленно, оно позволяет отобразить и осмыслить самые разные явления. По мере того как «потребительское общество» XX века уступало свои позиции «информационному обществу» рубежа столетий, социальная дифференциация трансформировалась.

Учителя и врачи, государственные служащие и квалифицированные рабочие, составлявшие костяк среднего класса в 1960—1970-е годы, чувствуют себя все более ущемленными. Они теряют свой статус, а порой и работу. Им приходится трудиться все больше – не для улучшения своей жизни, а лишь для поддержания существующего уровня. Однако пока старый средний класс агонизирует, на сцену выходит новый средний класс. Мир разделился на тех, кто имеет кредитные карточки, мобильные телефоны, доступ к Интернету, и тех, кто всего этого не имеет, или, во всяком случае, для кого все это не является само собой разумеющейся частью повседневности. На тех, кто получает достойную зарплату в экономике, пронизанной технологическими новациями, и на тех, кто остался позади, в «традиционном секторе».

Доступ к высоким технологиям становится одним из ключевых признаков среднего класса. Это не только производители программ и администраторы компьютерных сетей, но и миллионы пользователей. Это сообщество людей, радикально изменивших образ жизни и способы своей работы, войдя в «информационную эпоху». Увы, в эту эпоху вступило далеко не все человечество. Несмотря на свою массовость, новый средний класс гораздо более привилегирован, чем средний класс середины XX столетия, ибо плоды информационной революции,

по крайней мере на первых порах, даже в благополучных обществах Запада распределяются весьма неравномерно. Речь идет в масштабах планеты о меньшинстве, но это меньшинство само по себе насчитывает миллионы людей. И что самое главное, именно на представителей этого меньшинства оказывается нацелена пропаганда, реклама, политика, культура. Порой возникает ощущение, что даже в самой бедной стране кроме среднего класса никто не живет.

Итак, своим появлением новый средний класс обязан информационной революции. Его можно определить как массу людей, получивших доступ к информационным технологиям и возможность в полной мере пользоваться их плодами. Зато новый средний класс сразу возникает как глобальное явление. Его образ жизни и даже образ мысли формируется не только предшествующим социальным и культурным опытом, но и единой логикой информационных технологий.

Можно сказать, что новый средний класс – порождение эпохи глобализации. Он объединен, интегрирован на международном уровне не только общим образом жизни и родом занятий, но и общей наднациональной культурой. Формально это люди, выигравшие от перемен. Или хотя бы не проигравшие. Где бы они ни жили, они получают зарплату, исчисляемую в западной валюте. Их рабочие места позволяют им почувствовать себя частью глобальных процессов. Они образованны, мобильны и убеждены, что именно в этом причина их достижений.

И все же новый средний класс – не только детище информационной революции, но и продукт классовой борьбы.

Лекарство от революции

В конце 80-х годов XX века буржуазия одержала историческую победу. Она не только совершила торжественное изгнание «призрака коммунизма», но и положила конец целой эре уступок, вырванных у нее рабочим движением и социал-демократией. Провозглашенный на идеологическом уровне возврат к исходным принципам Адама Смита и других идеологов «классического капитализма» знаменовал преодоление страха правящего класса перед революцией. Страх, который подтекстовывал социальную и экономическую политику западных элит на протяжении, по меньшей мере, столетия.

Страх перед революцией зародился вместе с европейским рабочим движением. Социалистические партии XIX века были радикальны, они требовали не уступок, а коренного общественного переустройства. Страх усилился после Первой мировой войны, когда революция в России показала, что это переустройство возможно. Однако русская революция показала и то, как далека реальность нового общества от первоначального идеала. Революционный рывок в «царство свободы» оказался куда более сложным и длительным процессом, чем ожидали первые поколения социалистов. А пока в Советском Союзе вместо «царства свободы» получился сталинский ГУЛАГ.

Тем не менее Советский Союз сыграл огромную роль в демократизации и развитии социальных реформ на Западе. «Советская угроза», «холодная война» требовали консолидации западного общества. Жестокий и бессердечный рыночный капитализм не имел в этой борьбе никаких шансов. Тем более что «эффективность» рынка была поставлена под вопрос «Великой депрессией» 1929–1933 годов.

Для того чтобы выжить и победить в этой борьбе, капитализм должен был «гуманизироваться» и обуздать свою разрушительную силу. «Невидимую руку рынка» сменяет регулирование, безжалостную эксплуатацию – социальный компромисс. Издержки этой системы должны были оплатить страны, оказавшиеся на периферии мирового порядка, «третий мир». Но даже для них компромисс был реальностью, выразившись в предоставлении политической независимости и финансовой помощи. Эта помощь отнюдь не компенсировала тех сумм, которые были вывезены и продолжали вывозиться из зависимых стран, но она означала признание западными элитами своей ответственности, готовности к «партнерству» и «сотрудничеству».

В начале 1970-х годов ситуация начала постепенно меняться. Советский Союз после неудачных попыток реформ вступил в полосу необратимого упадка. «Советская угроза» значила все меньше. С другой стороны, рабочая сила в странах Запада становилась все более дорогой. Высокая заработная плата воспринималась предпринимателями уже не как необходимая социальная уступка, а как недопустимо высокие издержки.

К концу 1960-х годов истощенность послевоенной модели ощущали все. Социал-демократия сделала все, что могла, и не способна была предложить большего. Из партии реформаторов она окончательно превращалась в партию управленцев. Соблазны потребительского общества вызывали иронию молодого поколения. Если их родителями появление в доме холодильника или телевизора воспринималось как великая победа, то молодежь, выросшая в 50—60-е годы, уже принимала это как должное и требовала иного. На Западе под вопрос были поставлены достижения «гуманного капитализма», в то время как Восточная Европа пыталась пробиться к демократическому социализму.

«Будьте реалистами, требуйте невозможного!» – провозгласили парижские студенты в 1968 году. «Новые левые» бросили вызов устоявшемуся порядку, политическим партиям, обывательским представлениям о здравом смысле и благопристойности. Европу от Праги до Парижа, от Варшавы до Лиссабона потрясали массовые выступления. Но левые оказались не в состоянии предложить реалистическую альтернативу. В августе 1968 года Советский Союз

своей военной интервенцией не только положил конец демократическим реформам в Чехословакии, но и продемонстрировал, что коммунистическая система находится в глубочайшем кризисе. Она уже не может ни обеспечить бурный рост, ни эффективно реформировать себя. Наконец, полагаясь, прежде всего, на насилие, она не способна и применять репрессии в прежнем тоталитарном масштабе. С этого момента становится ясно, что «конец коммунизма» – лишь вопрос времени. «Холодная война» безнадежно проиграна Восточным блоком, а левые идеи терпят поражение. Надежды радикалов оборачиваются иллюзиями. События 1968 года, вместо того чтобы оказаться прологом великой революции, становятся отправной точкой многолетнего и общемирового контрнаступления правых.

В начале 1970-х годов в швейцарском курортном Давосе стал ежегодно собираться Всемирный экономический форум. Именно здесь западная политическая и деловая элита начала консультации ради выработки нового проекта, получившего позднее название «неолиберализма» и «глобализации». Этот проект обретал свои очертания постепенно. Точно так же, постепенно, он становился все более радикальным и агрессивным. Первоначально речь шла преимущественно о том, чтобы остановить рост «социальных издержек», выходящих за рамки допустимого. В то время как идеологи «новых левых» все еще видели зарю новой революции, а социал-демократы (включая даже таких мыслителей, как Юрген Хабермас) пророчествовали о неуклонном расширении «социальной сферы», действительные хозяева жизни работали над подготовкой и реализацией комплексного контрреформистского проекта, социальной реставрации. Необходимо было отбросить назад наступление «социальной сферы», одновременно сведя к минимуму риски революции.

Идея возвращения к «ценностям свободного рынка» пропагандировалась консервативными экономистами на протяжении долгого времени, но ни в 1950-е, ни в 1960-е годы она не была востребована. Сторонники подобных идей воспринимались обществом как «экономические романтики», идеологи, безнадежно отставшие от жизни, а главное, не понимающие требований научно-технической революции. Однако с середины 70-х ситуация стремительно меняется. Идеи консервативных идеологов внезапно оказываются востребованы. «Рыночный романтизм» получает новое название – «неолиберализм» и официальное признание государственных деятелей, международных финансовых институтов и лидеров бизнеса.

Первые попытки социальной реставрации предпринимаются в середине 70-х годов в Латинской Америке и сопровождаются жесточайшим террором против левых организаций, профсоюзов, свободомыслящей интеллигенции. Несмотря на то, что задним числом европейские правые склонны были рассказывать о достижениях латиноамериканских диктаторов, все они в той или иной мере потерпели поражение. Генералы, внедрявшие экономическую либерализацию с помощью массового террора, в конечном итоге оказались на скамье подсудимых.

Однако неолиберальная волна только поднималась. В 1979 году к власти приходит Маргарет Тэтчер в Британии, затем Рональд Рейган в США и Гельмут Коль в Германии. За этими победами на выборах стояла, с одной стороны, усталость и растерянность социал-демократии, а с другой – решимость правящих элит, стремившихся радикально изменить правила игры. И все же неолиберальная реставрация никогда не завершилась бы успехом, если бы не начинающаяся технологическая революция.

Начальным толчком технологических новаций была именно потребность собственников сократить издержки, связанные с дороговизной рабочей силы. Так происходило не в первый раз. Уже в начале XIX века высокая стоимость рабочей силы в Англии подтолкнула индустриальную революцию. Квалифицированные мануфактурные рабочие в «мастерской мира» добились исключительно высокой заработной платы, большого количества выходных и уважения к себе. С массовым внедрением паровых машин и нового, более простого оборудования, старые специальности обесценивались, возникла массовая безработица, соотношение сил на рынке труда резко изменилось в пользу предпринимателя.

Внедрение машин требовало научных знаний, но их массовое использование было доступно людям с самой низкой квалификацией и минимальным образованием. Предприниматели стали использовать на заводах труд женщин и детей с единственной целью – платить им как можно меньше. Гильдии мануфактурных рабочих развалились. Условия труда стали чудовищными. И лишь полвека спустя возникли новые профсоюзы и обновленное рабочее движение, выдвинувшее революционные требования.

Технологическая революция 70—80-х годов XX века развивалась по схожему сценарию. Она высвободила массу рабочих рук, обесценив массу рабочих специальностей. Правительства Тэтчер в Британии и Рейгана в США не колеблясь применяли силу против бастующих рабочих, но не это обеспечило им успех. История рабочего движения знает примеры куда более жестокого насилия власть имущих, оказавшегося совершенно бесполезным. На сей раз победа была достигнута, в конечном счете, не с помощью полицейской дубинки и локаутов, а благодаря реструктурированию производства. Именно это реструктурирование подорвало позиции профсоюзов, сделало их бессильными против репрессий, деморализовало активистов.

В свою очередь неолиберальные правые заговорили языком «прогресса», представив себя партиями модернизации, новаций, перемен. Это был новый консерватизм, решительно отличавшийся от прежнего. Он не опирался на традицию, а разрушал ее. Он говорил языком «реформ» и порой даже «революций». Он в культурном плане как будто вылутился из движения 1968 года, одновременно вывернув его наизнанку. Наступление на индустриальный пролетариат велось по трем направлениям.

Во-первых, введение нового оборудования, позволяющего резко сократить рабочие места (и тем самым, увеличив безработицу, создать новую ситуацию на рынке труда). Во-вторых, соотношение сил труда и капитала изменилось за счет новой производственной организации. Вместо огромных заводов, объединяющих тысячи рабочих, появились многочисленные мелкие предприятия. При этом совокупное количество рабочих мест порой не сокращалось. А вот качество... На маленьких предприятиях не было мощных профсоюзов, а в большинстве случаев – вообще никаких профсоюзов. Эксплуатация работника, зависимость его от хозяина оказались на порядок больше, тогда как зарплата – ниже. Технологический уровень производства колебался от немногих предприятий, воплощавших футуристическую мечту, до совершенно отсталых мастерских, работающих самыми примитивными методами. Но даже там, где предприятия работали по самым примитивным технологиям, рассредоточение производства стало возможно именно благодаря информационной революции.

В XIX веке, сосредотачивая рабочих на огромных заводах, капиталисты прекрасно отдавали себе отчет в том, что одновременно создают исключительно благоприятные условия для революционной агитации и организации. Но иного выбора у них не было: в ту эпоху эффективно контролировать крупномасштабное производство иным способом было невозможно. Крайним проявлением этой логики стала фраза, услышанная мною уже в 1990-х годах от одного «новорусского» предпринимателя: «Как только мои сотрудники оказываются на расстоянии более 200 метров от меня, они начинают воровать!»

Сосредоточив сложные производственные процессы в одном месте, предприниматель получал возможность скоординировать все происходящее, а для менеджеров всех уровней появлялась возможность постоянного прямого вмешательства, когда что-то шло не так. Но информационная революция дала возможность во многих случаях рассредоточить производство при том же уровне управляемости. И этой возможностью немедленно воспользовались: то, что раньше делали заводские цеха, стали делать маленькие мастерские «на стороне». Уменьшились склады, зато была обеспечена доставка «с колес», когда детали от «внешнего» поставщика сразу поступают на сборочный конвейер.

Разумеется, далеко не всякое производство можно разделить на мелкие части. Только на крупных предприятиях можно варить металл и собирать автомобили. Но такую работу можно

рассредоточить географически. И это тоже результат информационной революции. Вслед за текстильной промышленностью в Юго-Восточную Азию, Бразилию и Мексику начинает перемещаться сталелитейная, автомобилестроительная. Формально это объясняется дешевизной труда. Но дешевизна эта относительна. Русская пословица гласит: «За морем телушка – полушка, да дорог перевоз». Действительно, параллельно с удешевлением производства растут транспортные и управленческие расходы, появляется необходимость платить дополнительные пошлины. Однако все это окупается огромным социальным выигрышем для правящего класса.

Промышленность перемещается из Западной Европы и США на «периферию» мировой системы. Это не только географическое, но и социальное перемещение. Индустриальный рабочий класс вместе с промышленностью удаляется подальше от «центров» власти и собственности. С другой стороны, в странах «третьего мира», несмотря на то что промышленность бурно развивается, рабочие остаются в меньшинстве.

Уходит в прошлое ситуация, когда индустриальный пролетариат был сосредоточен в непосредственной близости к центрам глобальной экономической власти и составлял большинство населения в тех странах, где эти центры размещались. Казалось бы, угроза революции устранена. Тем самым отпадает и необходимость постоянно откупаться от переставшего быть столь опасным пролетариата.

Параллельно корпорации, ставшие транснациональными, начинают беспрецедентное давление на все национальные правительства с требованием снизить импортные и экспортные пошлины, отменить все ограничения на движение товаров, обеспечить режим абсолютной торговой свободы. Иными словами, капитал требует от государства, чтобы то решило организационные и финансовые проблемы, которые тот сам себе создал в процессе наступления на рабочих.

Правительства уступают. Снижение торговых барьеров внешне выглядит мерой по поощрению торговли. Но с каждой новой уступкой государство теряет не только средства для решения социальных проблем, но и контроль над процессами, происходящими в собственной экономике. Политика поощрения торговли оборачивается субсидированием транснационального капитала за счет общества.

А был ли призрак?

Кульминацией неолиберального наступления был распад Советского Союза. Технологическая революция оказалась вызовом, на который советская система ответить была не в состоянии. Оборонные производства и «закрытые» исследовательские институты могли производить чудеса техники, порой опережая западные разработки на целые годы даже после того, как разложившееся государство прекратило всякое финансирование. Но массово внедрить информационные технологии в повседневную жизнь жесткая и косная система оказывалась не в состоянии.

Отказавшись от реформ в конце 1960-х годов, советская бюрократия обрекла себя на зависимость от Запада. Технологические новации и потребительские товары для населения оплачивались за счет экспорта нефти и газа. Советский Союз постепенно интегрировался в мировую экономику в качестве сырьевого придатка европейского капитализма. Верхом мечтаний советской элиты стало присоединение к элите западной. Смена системы на Востоке Европы была инициирована именно бюрократической элитой.

В первой половине XX века Россия, а затем Советский Союз стали символом социалистических надежд. В конце столетия по Восточной Европе и бывшим советским республикам прокатилась неолиберальная волна. Разрушение социального государства произошло здесь в беспрецедентных масштабах, поставив в некоторых случаях под вопрос элементарные условия цивилизованного существования для большинства народа.

Крушение СССР сопровождалось глобальным кризисом левых. Международное коммунистическое движение, видевшее в Советском Союзе свой идеал, перестало существовать. Показательно, что выжили в основном те партии, которые уже в конце 1970-х годов отмежевались от «советского брата», за что были прозваны «еврокоммунистами».

Меньше всего пострадали морально и психологически те из левых, кто изначально отказывал Советскому Союзу в праве называться «социалистическим».

Однако этим вопрос не исчерпывается. Ибо, если социалистический характер советского строя был более чем сомнителен, его революционное и социалистическое происхождение остается очевидным. Именно это генетическое родство и позволяло советской системе на протяжении многих лет более или менее успешно притворяться социализмом.

Моральный ущерб от поражения СССР понесли все левые, от социал-демократов до троцкистов. Даже социалисты и марксисты в Восточной Европе, которые в 1970-е и 1980-е годы боролись за изменение системы, подвергались репрессиям, сейчас чувствовали себя не победителями, а побежденными. Их язык, лозунги, культура были дискредитированы. А с другой стороны, отказ от своей традиции и языка был для левых самоубийственным. Перестать говорить о социализме, отказаться от прошлого значило не «обновить» движение, а просто покинуть идеологическое поле битвы, оставив его неолиберальным пропагандистам.

Многочисленные и высокооплачиваемые авторы объявили историю оконченной, а призрака революции – окончательно изгнанным. Его надлежало не только изгнать, но и забыть. Он должен был исчезнуть без следа. Окончательную победу над марксистским «призраком» требовалось закрепить, полностью удалив из общественного употребления любые следы социалистической традиции и языка. Ведь политическое мышление не может существовать без традиции и языка. Лишенные их, побежденные классы становятся как бы глухонемыми, политически несамостоятельными. Маркс писал о том, что, обретая самосознание, пролетариат из «класса в себе» превращается в «класс для себя». Отняв самосознание, можно вновь превратить класс в бессмысленную массу, «рабочую силу», способную только продавать себя по дешевке на рынке труда.

К концу 80-х годов поражение индустриального пролетариата в Западной Европе и США было свершившимся политическим фактом. В Восточной Европе следует говорить уже не о поражении, а о катастрофе. Господствовавшая на протяжении десятилетий коммунистическая система лишила трудящихся способности к самоорганизации. Троцкий говорил в 1930-е годы, что бюрократия политически экспроприировала пролетариат. Уйдя со сцены в конце 1980-х, государственные коммунистические партии оставили трудящихся без организации, без идеологии и даже без собственного языка.

Гонки на спуск

Левые потерпели идеологическое поражение, профсоюзы оказались в кризисе. Все то, что рабочее движение считало своими историческими завоеваниями на протяжении XX века, было поставлено под сомнение. Это не означало, однако, будто промышленный рабочий должен был исчезнуть на Востоке и Западе как социальный тип. Это отнюдь не было задачей неолиберальной контрреформы. Тем более это не было и не могло быть целью технологической революции. Но соотношение сил в промышленности между работодателем и работником радикально меняется.

Начинается то, что профсоюзные активисты называли «гонка на спуск», бег по нисходящей. Каждое предприятие, каждая отрасль, каждая страна поставлена перед фактом жесточайшей конкуренции. Рынок труда становится глобальным, но только для капитала. Перемещаясь из страны в страну, деньги ищут самого дешевого работника. Трудящимся остается только одно: отказаться от своих социальных завоеваний, смириться со снижением жизненного уровня, согласиться с ужесточением эксплуатации в надежде тем самым сохранить свое рабочее место. В гонке участвуют работники, а побеждает всегда капитал. Каждое предприятие, снижая свои социальные издержки, заставляет всех остальных делать то же самое. В гонку включаются государства. Если в 50—60-е годы XX века правительства конкурировали между собой, добиваясь повышения жизненного уровня граждан, то теперь они столь же яростно соревнуются в деле его снижения. Это проходит безнаказанно, ибо сами граждане, играющие по новым правилам, признают, что иной альтернативы нет.

Впрочем, в «гонках на спуск» участвуют далеко не все. Если бы все общество стремительно и равномерно деградировало, неолиберальная модель не продержалась бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Параллельно с социальной деградацией традиционного промышленного пролетариата поднимается новый средний класс. И на первых порах этот средний класс не только не страдает от происходящего, но, напротив, многое выигрывает.

Чем более рассредоточено производство, тем больше людей обеспечивают его управляемость. Это менеджеры, персонал, работающий в офисах, системные администраторы.

Это рабочие места для «среднего класса». Огромную армию «белых воротничков» на первых порах гораздо легче контролировать. Здесь царит бюрократическая дисциплина и командный дух. Здесь, как и в любой административной системе, главным стимулом становится продвижение по службе и соответствие требованиям организации. Коллективный конфликт между работниками и работодателями по вопросам зарплаты и условий труда сменяется индивидуальным соревнованием между сотрудниками компании, стремящимися подняться наверх.

Неолиберальная контрреформа стала возможна благодаря поддержке среднего класса. Но ведь сам средний класс сделался массовым именно в результате социальных реформ середины XX века. Он отнюдь не является продуктом рыночной экономики, которая в течение всей эпохи «классического» капитализма неизменно воспроизводила поляризацию между богатыми и бедными, буржуа и пролетариями. Перераспределительные программы, всевозможные формы социального страхования, государственные инвестиции в образование и здравоохранение, рост правительственных расходов на развитие создали условия для формирования среднего класса. Массовые средние слои в странах Восточной Европы и Латинской Америки были продуктом государственной перераспределительной политики в еще большей степени, чем на Западе.

Социальная арифметика изменилась. Перераспределительные меры в 1940-е годы создавали средний класс, заставляя тесниться богатых. В 70-х годах речь уже шла о том, чтобы сам средний класс вносил свой вклад в то, чтобы улучшить положение социальных низов. И

хотя, как выяснилось задним числом, именно средний класс и являлся главным получателем благ капитализма, он проявил удивительное и на первый взгляд самоубийственное нежелание эту систему поддерживать. Консолидировавшись к началу 60-х годов, средние слои уже почувствовали себя самостоятельными. Они осознавали свое положение в обществе как само собой разумеющееся. В 40—50-е годы миллионы людей на Западе и Востоке Европы поддерживали государственные социальные программы, видя в них средство для того, чтобы улучшить свое положение. А в 70-е годы новое поколение среднего класса уже воспринимало свое положение как должное. Напротив, оно стремится освободиться от опеки государства, раздраженно реагируя на бюрократическую неэффективность, гнетущее однообразие официальных процедур и надоевшую за много лет риторику социальной справедливости.

В 1960-е годы реформированный капитализм и переживший «оттепель» коммунизм соревновались в строительстве потребительского общества. Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая на XXII съезде, говорила, в сущности, о том же, что и реклама «американского образа жизни». Коммунизм мыслился как изобилие, торжество потребления. Материальный достаток, становящийся равнозначным счастьем. Капитализм и коммунизм тех лет пронизаны одними и теми же идеями. Но это были ценности и идеалы уходящего поколения, пережившего лишения и ужасы двух мировых войн и тоталитаризма. Молодое поколение мечтало о чем-то большем, чем материальное благополучие и личная безопасность. Бунт 1968 года во Франции и движение «Пражской весны» в Чехословакии были порождены стремлением к свободе, которое, проявляя себя по-разному, овладевало людьми и на Западе, и на Востоке. Однако 60-е годы кончились неудачей. «Пражская весна» была раздавлена советскими танками, студенческие выступления захлебнулись.

Именно в это время формирующийся неолиберализм предлагает среднему классу новое понимание свободы – как потребления. Ценности потребительского общества, против которых восставали студенты, совместились с идеалами протестующих. Свобода свелась к разнообразию, к многоцветию товаров и услуг, к возможности выбора. Потребление из массового должно было превратиться в индивидуальное. Обществу, которое не смогло реализовать свою свободу в социальном преобразовании, предлагалось осуществить ее в совершенно иной сфере. Коллективное действие сменялось индивидуальным наслаждением.

Право выбора, обещанное неолиберальной идеологией, не просто осуществляется на свободном рынке. Оно оказывается путем к наслаждению. Суть потребления не в удовлетворении материальных потребностей, а в самореализации, самоутверждении. Товарные знаки уже не просто связываются в сознании покупателя с репутацией фирмы. Они становятся символами бытия, образами, с которыми связываются социальные и культурные идеалы.

Можно сказать, что потребительская культура преобразовала себя в ответ на вызовы 60-х. Точно так же, как контрреформация XVI века опиралась на культурные достижения Ренессанса, неолиберальная реакция по-своему продолжала и развивала образы молодежного бунта. Именно потому, что неолиберализм впитал в себя импульсы «бунтовческих 60-х», он смог преобразить капитализм. Неолиберализм не только перекупил, совратил, развратил множество интеллектуальных и артистических кумиров «великого десятилетия», он стал на эмоциональном уровне своеобразным синтезом протеста и конформизма. Анархистские лозунги борьбы против государства обратились в призыв покончить с бюрократизированным социальным страхованием. Ненависть к любой власти сменилась готовностью подорвать власть правительства ради свободы корпораций. Призыв к социальному освобождению сменился готовностью «освободить» талантливых и динамичных предпринимателей из-под гнета тусклых и тупых чиновников. Рынок был провозглашен единственно значимым пространством свободы.

Именно это стало третьим, по-своему решающим направлением неолиберальной контрреформы. Новая идеология потребления стала господствующей. Говоря словами Грамши, завоевала гегемонию.

Культурная гегемония неолиберализма обеспечила контрреформе поддержку среднего класса. Коллективный эгоизм более благополучной части общества был освящен моралью, идеологией и эстетикой. Технологическая революция добавила социальному эгоизму еще и «историческое оправдание». Лидер итальянской партии Фаусто Бертинотти, описывая ситуацию 90-х годов, говорил про «одинокость рабочего». Растущий «постиндустриальный» средний класс в массе своей не испытывал большого сочувствия к страданиям социальных низов. Люди, считавшие себя успешно вписавшимися в новую экономическую модель, воспринимали происходящее как естественный процесс. Те, кто остался за бортом, принадлежали к «уходящей экономике». Те, кто процветал, считали себя «новой экономикой». Все происходит само собой. Никто не виноват. Промышленный рабочий обречен был страдать просто потому, что оказался «фигурой прошлого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.